

Содержание

Предисловие.....	7
Предварительные замечания.....	9
ЧАСТЬ I. К СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПАСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ	37
Глава 1. Формирование паспортного портрета в России.....	38
Глава 2. Пятнадцать лет без паспорта	69
Глава 3. Введение паспортной системы в СССР (1932–1936 гг.)	91
Общая ситуация	91
Официальная версия паспортизации.....	95
Организационная работа	100
Как проходила паспортизация	109
«Перегибы правового характера»	120
Второй этап паспортизации	127
Итоги паспортизации.....	133
Глава 4. Паспортные режимы и реформы	136
Паспортные режимы	136
Сто первый километр	144
Прописка	150
Учет «естественного движения населения».....	158
Поддержание паспортного режима	162
Положения о паспортах и Инструкции по паспортной работе 1940 и 1953 гг.	168
Проекты реформ 1960-х гг.....	171
Положение 1974 г.	178
От советской к российской паспортной системе	181
ЧАСТЬ II. ПАСПОРТ КАК БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ	189
Глава 1. Бланк паспорта и основные сведения о личности	190
Бланк паспорта	190
«Фамилия, имя, отчество»	205
«Место и время рождения».....	212
«Национальность»	216

«Личная подпись»	230
«Социальное положение»	236
«Отношение к военной службе»	248
Глава 2. Паспортные отметки и реквизиты	252
«Кем выдан паспорт»	252
«На основании каких документов выдан паспорт»	253
«Лица, внесенные в паспорт владельца»	259
Фотография	261
Особые отметки	267
Отметки о прописке	271
ЧАСТЬ III. ПАСПОРТНЫЕ ПРАКТИКИ В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ	279
Глава 1. Получить паспорт	280
Право на паспорт	280
Определение национальности	289
Фотографирование на паспорт	314
Как подписать?	326
Паспортный стол и паспортистка	338
Получение паспорта	346
Глава 2. С паспортом и без него	368
Хранение и ношение	368
Проверка документов	373
Перемена имени	381
«Чистый» паспорт	411
Фиктивный брак	419
Утеря. Без паспорта	423
Отказ от получения паспорта	430
«Самый важный документ» и для чего он нужен	439
Заключение	449
Сокращения	458
Библиография	459
Приложение	482
Сведения об интервью	482
Ориентировочные вопросы к интервью	483

Предисловие

Меня спрашивают, почему я заинтересовался паспортом. Будучи антропологом, я занимался другими темами — семиотикой вещей, ритуалом, стереотипами поведения, и вдруг — паспорт. Не совсем вдруг. В паспорте сошлись предметность, символичность и ритуализованные практики — все то, что меня и прежде интересовало. Бюрократия, особенно советская, пожалуй, самая ритуализованная сфера культуры. Традиции в этой области особенно устойчивы. Другое дело, что я обратился к совсем иной эпохе, принципиально другим контекстам, непривычным исследовательским традициям.

Меня всегда удивляло какое-то особое, можно сказать, трепетное отношение многих людей к документам и особенно — к паспорту. Как это сложилось? Как влияли документы на сознание человека и его мироощущение? Почему паспорт стал «документом документов»? Обращение к советскому периоду «паспортной истории» тоже не случайно. Именно в это время паспорту придавался особый смысл. Однако я и не подозревал, сколько ниточек сходятся на советском паспорте (по сути дела, вся советская история, особенности самосознания советского человека, траектории жизни конкретных людей и многое другое). Только после нескольких лет работы в архивах и библиотеках что-то стало проясняться, но я и до сих пор не уверен в том, что действительно разбираюсь в паспортных сюжетах — настолько они разнообразны и разноплановы.

Я благодарен Arts and Humanities Research Council (AHRC) за поддержку моего проекта в начале его осуществления. Особая благодарность фонду семьи Георгия Абдушелишвили за постоянную поддержку профессуры по советской повседневности Европейского университета в Санкт-Петербурге, в рамках которой продолжалась работа над этим проектом.

Мне были в высшей степени полезны комментарии, советы и замечания Сергея Абашина, Николая Вахтина, Катрионы Келли, Анны Кушковой, Георгия Левинтона, Юлии Орловой, Никиты Охотина, Александры Пиир, Константина Позднякова, Арсения Рогинского, Габриэля Суперфина, Александра Чистикова.

Книга не состоялась бы без обращения к материалам архивов и музеев. Я признателен сотрудникам Государственного архива Российской Федерации (Москва), Российского государственного архива социально-политической истории (Москва), Архива Международного общества «Мемориал», Санкт-Петербургского отделения общества «Мемориал», Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга, Музея политической истории России (Санкт-Петербург), Государственного музея истории Санкт-Петербурга, Центрального государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Архива Центра иудаики Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Выражаю свою искреннюю благодарность тем, кто оказал помощь в сборе и расшифровке интервью: Ирине Назаровой, Дарье Терешиной, Анне Кушковой, Александре Касаткиной, Александре Пиир, Катрионе Келли, Марии Морозовой и тем, кто поделился со мной своими интервью, собранными по другим темам: Марии Ахметовой, Светлане Амосовой, Светлане Сиротининой, Марине Хаккарайнен.

Все это время я работал в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера), преподавал на факультете антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге и занимался изданием журнала «Антропологический форум». Я благодарен коллегам по Кунсткамере, факультету и редакции АФ за неизменную поддержку, которую ощущал все это время.

Альберт Байбурин
Июнь 2016 г.

Предварительные замечания

Нет документа, нет и человека.

М. Булгаков

1.

Слова Михаила Булгакова, вынесенные в эпиграф, констатируют не всегда осознаваемое нами обстоятельство: человек в современной культуре существует постольку, поскольку он зафиксирован и представлен в различного рода документах. Если в этих словах и присутствует преувеличение, то весьма незначительное. Во всяком случае, во взаимоотношениях с официальной сферой действует именно такое правило. В фокусе этой книги находятся фиксируемые в паспорте сведения о человеке, их «изобретение» бюрократическим аппаратом, с одной стороны, и освоение конкретными людьми — с другой. Естественно, такой ракурс предполагает рассмотрение сюжетов, связанных с формированием паспортной системы и выработкой деталей паспортного портрета в общем контексте дореволюционной и советской социальной истории.

Ситуацию, в которой оказались советские люди после введения паспортной системы, можно было бы назвать «предписанием к идентификации». Понятие «предписание» в советской (да и в постсоветской) традиции имеет вполне определенный смысл: некое распоряжение (обычно письменное) или требование, исходящее от властных органов (например, предписание явиться в военкомат или предписание устранить выявленные недостатки). Введенный в 1932 г. советский паспорт имплицитно содержал требование идентифицировать себя по тем параметрам, которые были в него включены. Это относилось не только к тем гражданам, которые его получали, но и к тем, кому было в нем отказано. По сути дела, все взрослое население страны было вынуждено примерять на себя паспортные категории и как-то определяться, осуществлять своего рода самоидентификацию. В этом смысле даже не властные институты, которые разрабатывали паспортный «портрет», а сам паспорт становился агентом идентификации.

В книге не очень часто используется термин «идентичность», которому присуще значение фиксации чего-то устоявшегося и определенного. Вслед за Р. Брубейкером и Ф. Купером предпочтение отдается

термину «идентификация» с выраженным значением процессуальности¹. Как они отмечают, сам термин «идентификация» приглашает к уточнению образа того, кто является агентом идентификации. Это особенно важно в связи с тем, что речь пойдет о внешней идентификации человека государством, которое усилиями своих институтов разработало специальную кодифицированную систему категоризации, воплощенную в паспорте. Навязываемая извне идентификация и категоризация не могли не повлиять на самоидентификацию индивида. Различного рода культурные и социальные эффекты, вызванные таким столкновением, представляют для нас особый интерес.

Паспорт традиционно считается одним из основных символов советской жизни. Вокруг советского паспорта сформировался большой миф, в создании которого участвовали поэты, писатели, простые обыватели и, конечно, исследователи. В этом мифе паспорт предстает в качестве особой ценности, неразрывно связанной с понятием «гражданин СССР». Вместе с тем он является, пожалуй, самым интересным документом в истории и практиках отношений между человеком и государством. Созданный для идентификации индивида и контроля над его передвижениями (собственно для преодоления границ), он постепенно вообрал в себя множество значений, подчас весьма далеких от начальных, причем этими значениями его наделяли не только чиновники, но и те, кому он был предназначен. К советскому паспорту это относится, наверное, в большей степени, чем к любому другому². Впрочем, при работе над этой книгой постоянно хотелось наряду с прошедшим временем использовать и настоящее, ибо многие контексты принципиально не изменились и в наше время. Иногда я так и делаю.

¹ Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 61–115.

² О паспортах разных государств существует огромный корпус исследований. Многие из них привлекаются в соответствующих разделах книги. Здесь укажу лишь на некоторые общие работы: *Torpey J.* The Invention of the Passport: Surveillance, Citizenship, and the State. Cambridge, 2000; *Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World* / ed. by J. Caplan, J. Torpey. Princeton: Princeton University Press, 2001; *Lloyd M.* The Passport: The History of Man's Most Travelled Document. Stroud, U. K.: Sutton Publishing, 2003; *Salter M. B.* Rights of Passage: The Passport in International Relations. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2003; *Robertson C.* A Documentary Regime of Verification. The emergence of the US passport and the archival problematization of identity // *Cultural Studies*. 2009. Vol. 23, Issue 3. P. 329–354; *Frankel P.* The Politics of Passes: Control and Change in South Africa // *The Journal of Modern African Studies*. 1979. Vol. 17. Issue 2. P. 199–217; *Lucassen L.* Zigeuner: Die Geschichte eines polizeilichen Ordnungsbegriffes in Deutschland, 1700–1945. Köln and Weimar: Böhlau-Verlag, 1996; *Бреус Е. М.* Идентификационные документы в Китае: история, структура, национальная идея // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 1. С. 3–23 и др.

В советской правовой практике разрешение на пересечение государственной границы было актуально лишь для так называемого заграничного паспорта. «Внутренний» паспорт — особое явление. Его основное предназначение — «удостоверять личность», но этим роль паспорта не ограничивалась. Паспорт во многих ситуациях имел большее значение, чем сама «личность», которую он удостоверял. Существует много свидетельств о том, что без него человек буквально «выпадал» из социальной жизни: нельзя было не только устроиться на работу, определить ребенка в детский сад и школу, оформить брак, наконец, умереть «как положено», но и осуществить такие, казалось бы, простые желания, как стать читателем библиотеки или получить почтовую бандероль. Он оказывался необходим практически в каждом случае контакта со сферой официального (в том числе и для получения других документов), поскольку каждый раз требовалось подтверждение того, что гражданин — именно тот, за кого себя выдает. А в действовавшей системе социальных отношений человек мог подтвердить свою самость только с помощью паспорта³.

Вместе с тем не менее распространены свидетельства о том, что паспортом в советское время практически не пользовались. Он был необходим лишь в очень немногих случаях, поскольку устройство на работу или поступление на учебу происходят не часто. Главное, чтобы он был. С этой точки зрения важным является наличие паспорта, а не его использование. Наличие паспорта делало советского человека «таким как все», и эта встроенность в общее социальное тело представляла собой безусловную и вполне самодостаточную ценность.

Паспорт вызывал (в зависимости от контекста) различные эмоции. Нельзя сказать, что они непременно негативны. Огромное количество его обладателей (особенно послевоенных поколений) гордились им. Вместе с тем он удивительным образом не сочетался со своим владельцем. В отношении к нему чувствуется отчуждение даже в том случае, если человек испытывал положительные эмоции от обладания им. Его обретение нередко имело травматический характер, а использование означало контакты со сферой официаль-

---

³ Все это характерно и для современного российского паспорта. Более того, сфера использования паспорта в постсоветское время резко расширилась. Он стал необходимым для приобретения билетов не только на авиа-, но и на железнодорожный транспорт, при всевозможных банковских операциях и т. д. Не случайно те, кто имеет опыт советской жизни, стали считать, что «раньше паспорт почти никогда не требовался».

ного, которые советские люди старались свести к минимуму. Основной причиной такого отношения к государственным органам являлось то, что в общении с ними рядовому гражданину была уготована роль просителя даже в тех случаях, когда он ничего не просил. Заведомое неравенство в сочетании с очередями и прочими сопутствующими обстоятельствами приводило к тому, что в официальные инстанции старались обращаться только в случае крайней необходимости.

Неоднозначный статус паспорта можно проиллюстрировать с помощью простого вопроса: кому принадлежит паспорт? Государству или человеку? «Мой паспорт»? Скорее — «паспорт меня». Он как табличка на шее или нашивка на одежде. Что в нем собственно моего? Только подпись и фотография. Вместе с тем он мой, и всякие изменения в паспорте — изменения во мне или происшедшие со мной (например, запись о бракосочетании или о детях). Владелец паспорта официально называется его *владельцем*. Однако принадлежащий нам предмет мы можем потерять, да и просто избавиться от него. Паспорт мы обязаны беречь, а за его утерю полагается штраф. Подделка паспорта считается преступлением, но не против его владельца, а против государства. Получается, что он и наш, и не наш, и такая двойная принадлежность — характерная черта этого уникального во многих отношениях документа. И все же паспорт *выдается* государственной структурой, причем выдается во временное пользование (предельный срок ограничен временем жизни «владельца»), и это обстоятельство тем более не позволяет чувствовать его полностью своим.

Советский паспорт призван удостоверить личность, но обычно человек не нуждается в подтверждении своего «Я». Точнее, бывает, что и нуждается, но в таком случае документ вряд ли поможет. С этой точки зрения паспорт нужен прежде всего официальным органам, а поскольку человек вынужден так или иначе взаимодействовать с ними, то паспорт оказывается необходимым и самому человеку.

2.

Попытаемся разобраться в том, что такое документ. Интуитивно понятно, что среди разнообразных текстов и артефактов, созданных и создаваемых человеком, документы имеют какой-то особый статус хотя бы потому, что они призваны устанавливать границы между фактическим и кажущимся, достоверным и недо-

стоверным, истинным и ложным, реальным и вымышленным. Если это так, то с их помощью создается своего рода параллельный мир, удваиваются те отношения, которые в данном обществе рассматриваются как особенно важные.

Большой юридический словарь следующим образом определяет это понятие:

«Документ⁴ — материальный объект с информацией, закрепленной созданным человеком способом для ее передачи во времени и пространстве. В автоматизированных информационно-поисковых системах — любой объект, внесенный в память системы...»⁵. Очевидно, что при таком понимании в категорию документов войдут самые разные объекты. Во-первых, собственно документы, т. е. специально предназначенные для свидетельства о чем-то различного рода справки, удостоверения и т. п. Во-вторых, документами нередко называются всевозможные артефакты, которые изначально имели другое назначение (например, письма, дневники, в принципе любой предмет, характеризующий ту или иную эпоху, — те же музейные вещи, да и необязательно музейные). Такие свидетельства о прошлом получают статус документов, но, строго говоря, в таких случаях слово «документ» имеет метафорическое значение. Сейчас понятие «документ» формулируется предельно широко — любой фрагмент информации может рассматриваться в качестве документа⁶.

У документов какой-то особый и вместе с тем расплывчатый статус не только «в жизни», но и в науке. Например, для историков документы (если иметь в виду письменные источники) традиционно составляют значительную часть материала, но под ними чаще всего понимаются те тексты, которые изначально не были документами, т. е. не создавались в качестве таковых. Статус документа как «свидетельства прошлого» им был присвоен позже, искусственно. Разумеется, в категорию источников входят и собственно документы, но в общей массе свидетельств они занимают незначительное место. Кстати, документы в широком смысле со временем приобретают статус «настоящих» документов, а настоящие

⁴ Здесь и далее, если не указано иного, курсив автора.

⁵ Большой юридический словарь / В. Н. Додонов и др. М.: Инфра-М, 2001. С. 157.

⁶ В числе причин распространения расширительного значения понятия «документ» в настоящее время, видимо, следует назвать его использование в терминологической системе интернет-ресурсов, где любой текст (в том числе и «пустой») называется документом, хотя первичным значением англ. *document* является письменный, собственно бумажный текст (ср. *document case* как название портфеля).

документы его утрачивают (истекает срок годности), но при этом становятся документами в широком смысле.

Исследователи, имеющие дело с документами, нередко относятся к ним как к носителям объективной информации о прошлом. Этому способствует безличность документа — отсутствие указаний на авторство. Между тем документ, даже если он исходит от государственных органов, всегда является результатом пересечения интересов разных субъектов, разных взглядов на ту реальность, к которой он относится и которая в нем представлена. Как писал Юрий Тынянов, «документы врут, как люди». Другими словами, проблема авторства касается и документов. За безличными определениями «власть», «государственные инстанции» и т. д. всегда скрываются конкретные «авторы» текста, которые, как правило, остаются неизвестны.

Кроме того, документ так или иначе учитывает точку зрения получателя, даже если его позиция полностью игнорируется — он создается в воображаемом диалоге с получателем. Причем получатель — это не только владелец паспорта, но и тот (те), кто будет его читать. Для паспорта это особенно значимо, поскольку он постоянно дорабатывался с учетом множества факторов (экономических, политических и др.), не говоря уже о том, что в этих изменениях принимали участие разные уровни власти, разные ведомства и, как я попытаюсь показать, сами получатели.

Документы традиционно изучаются в рамках таких «прикладных» дисциплин, как документоведение, источниковедение, архивоведение. Однако в этих случаях за рамками изучения оказываются субъекты, производящие и пользующиеся документами (человек, социальные и государственные институты). Другими словами, антропологическое значение документов не входит в сферу интересов этих дисциплин. Практически неисследованным оказывается широкий круг социальных явлений, порожденных самим функционированием документов (имеются в виду культурные смыслы, которыми наделяются документы, а также специфические отношения и практики, складывающиеся в процессе их создания и использования⁷).

---

⁷ Из немногочисленных работ в этой области см. прежде всего: *Blouin F., Jr., Rosenberg W. Processing the Past: Contesting Authority in History and the Archives*. Oxford: Oxford University Press, 2011 (в русском переводе см.: *Блоун Ф., Розенберг У. Происхождение прошлого. «Подлинность» для историков и архивистов / пер. с англ. Ю. Князькиной, Е. Шраги. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017*).

В последнее время положение начало меняться. Свидетельством этому является проект «Статус документа в современной культуре: теоретические проблемы и российские практики» под руководством И. М. Каспэ. Его основным итогом стал коллективный труд «Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство» (М., 2013). Пожалуй, впервые (во всяком случае, в российской научной традиции) было проблематизировано само понятие «документ», причем толчком к этому послужило не столько возникновение электронных документов, заставивших по-иному взглянуть на традиционные формы (как это произошло, например, в социологических исследованиях)⁸, сколько накопившаяся неудовлетворенность состоянием изучения документов различного происхождения.

Статьи указанного сборника содержат интересные идеи и соображения о роли документа и особенностях его функционирования в разных культурных контекстах, и об этом речь пойдет в соответствующих местах моей книги. Сейчас, пожалуй, стоит отметить, что представляется полезным предложенное И. Каспэ разграничение *документального* и *документного*⁹. Действительно, термины «документальность», «документальное» (особенно в таких сочетаниях, как «документальный жанр», «документальный дискурс») связаны с определенной исследовательской традицией, для которой не столь существенны различия между документами в широком и узком смысле. Мы будем иметь дело с собственно документами, т. е. текстами, создававшимися специально для того, чтобы хранить и репрезентировать информацию, которая по тем или иным причинам отнесена к области «достоверного». Характер и смысл таких документов можно описать с помощью таких предикатов, как *подтвердить*, *доказать*, *свидетельствовать*, *установить*, *идентифицировать*. Они имеют определенный срок действия, реквизиты и т. п. Сейчас и собственно документы, и документы в широком смысле объединены в одну сферу документального. Для целей нашей работы лучше их расподобить и применительно к собственно документу говорить о *документном*,

---

⁸ О статусе документа в цифровой эпохе см.: *Levi D. M. Scrolling Forward: Making Sense of Documents in the Digital Age*. New York: Arcade Publishing, 2001; *Buckland M. K. What Is a "Document"?* // *Journal of the American Society for Information Science*. 1997. Vol. 48. № 9. P. 804–809 и др.

⁹ *Каспэ И.* От редактора // *Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство*. М.: НЛО, 2013. С. 6.

а документальное оставить тем, для кого указанное различие не имеет принципиального значения.

Даже если мы не очень разбираемся в различных видах документов, они легко узнаваемы, и это — их важное качество. Они составляют специфический корпус текстов, точнее, разряд бумаг. Их фактурность, «бумажность», была настолько значима, что документ часто так и назывался: «бумага», и эта бумажность наделялась как уважительными, так и уничижительными определениями¹⁰. Как для нас в постсоветское время стали узнаваемы рекламные проспекты в почтовом ящике, так издавна узнаваем документ. Он всегда особым образом выглядит. У него своя форма. Именно для документов были разработаны бланки, т. е. типовые формы (в советское время их знали по номерам: форма № 1 — главная анкета, заполняется для получения паспорта, и сведений в ней гораздо больше, чем в паспорте; форма № 9 требуется при прописке, и т. д.). Это говорит о предельной степени стереотипизации содержания, о том, что документы по своей сути ориентированы на сравнительно узкий круг сценариев. Они типизируют ситуации. Не случайно бланки документов прежде других текстов переводятся в печатную форму¹¹.

По мнению С. И. Гиндина, можно говорить о двух типах связанных текстов: один обусловлен внутренними связями, а другой вписывается в некоторую матрицу, бланк, и без граф этого бланка не может быть прочитан¹². Паспорт, как и многие другие документы, относится ко второму типу, но его структура настолько въелась в сознание «паспортного человека», что основные сведения легко считывались и без бланка, о чем свидетельствуют такие тексты, как автобиографии советского времени, в которых воспроизводятся личные данные паспортного образца и без наличия граф.

Интересующие нас документы являются письменными текстами. К письменному тексту иное отношение, чем к устному. Еще относительно недавно письменный документ воспринимался как

---

¹⁰ О «бумажности» документов см.: Орлова Г. Изобретая документ: бумажная траектория Российской канцелярии // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство. С. 19–52.

¹¹ Нужно отметить, что так происходит не во всех бюрократических традициях. Например, во Франции всевозможные заявления в официальные органы и сейчас следует писать от руки.

¹² Гиндин С. И. Внутренняя организация текста (элементы теории и семантический анализ). Автореф. дис. ... канд. филологич. наук. Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. М., 1972. С. 3–15.

объект, наделенный магической силой¹³. На авторитет документа работают все его детали — например, размер и качество бумаги, степени защиты, реквизиты и проч.; все это создает определенную ауру, которая дает понять, что здесь заключена особая, защищенная информация. В поздней традиции, когда документы стали печатными, их отличало неперенное наличие рукописных вставок (например, конкретного указания даты, ФИО, постановки личной подписи, и т. д.). Сочетание печатного и рукописного можно рассматривать как выражение формальной и содержательной двойственности документа. Его печатная часть включает стандартную информацию, присущую всем документам данного типа, а рукописные вставки ориентированы на его конкретизацию и индивидуализацию. Такая двойственность предопределяет разное отношение к печатной и рукописной составляющим документа. В частности, при его проверке основное внимание уделяется рукописным вставкам, которые чаще подвергаются подделке.

Как уже сказано, документ можно рассматривать в качестве транслятора шаблонов, образцов, норм, и эта его стереотипизирующая функция настолько сильна, что распространяется и на язык документа, который отличается прежде всего формульностью — от обращений до формулировок, относящихся к содержанию. «Настоящим доводится до вашего сведения...»; «Справка дана в том, что гражданин Иванов С. В. ...». Канцеляризмы, как известно, характеризуются высокой устойчивостью — обычно исходные варианты современных форм можно обнаружить в канцелярском письме XIX в. и более раннего времени.

Типизация в сфере документного относится не только к форме, но и к содержанию. Идентификационных документов это касается, может быть, в первую очередь. По отношению к ним складывается несколько парадоксальная ситуация: документ, ориентированный на выявление и фиксацию *индивидуальных* черт, состоит из трафаретного набора сведений, которые имеют заведомо объективирующий характер. О своего рода штамповке личности будет говорить специально.

В отличие от других текстов, документ всегда имеет *реквизиты* позволяющие теперь уже точно идентифицировать документ. К их числу относятся дата, пе

---

¹³ Об отношении к письменному слову в кресты
Заметки к теме «Слово и тело» // Тело в русской кул

защитные качества бумаги и проч. К тому же современный документ (в отличие от документов далекого прошлого) всегда имеет указание на включение в некую систему (базу) данных — так называемый исходящий номер, для того, чтобы его можно было легко разыскать в этой базе. Получается, что документ содержит информацию, происхождение которой можно проверить и установить. Реально проверить и подтвердить можно лишь источник сведений (тот орган, который свидетельствовал), но не сами сведения. Можно ли доказать, что NN родился 5 мая 1922 г., если не сохранилось записей о его рождении? Или то, что NN — русский, если прежде национальность никак не определялась? «Ориентированный на приоритет письма, документ не столько подтверждает реальность референта, находящегося где-то за пределами бумажного листа, сколько производит самодостаточную и герметичную реальность документальной записи»¹⁴. Другими словами, документ вовсе не обязательно репрезентирует некое соответствие внеположной реальности. Его «сила» в другом — в том, что он исходит от властной инстанции. Истинность документа имеет скорее магический, чем установленный (верифицируемый) смысл. В этом отношении можно сказать, что документ замкнут на себя, т. е. является автореферентным конструктом¹⁵.

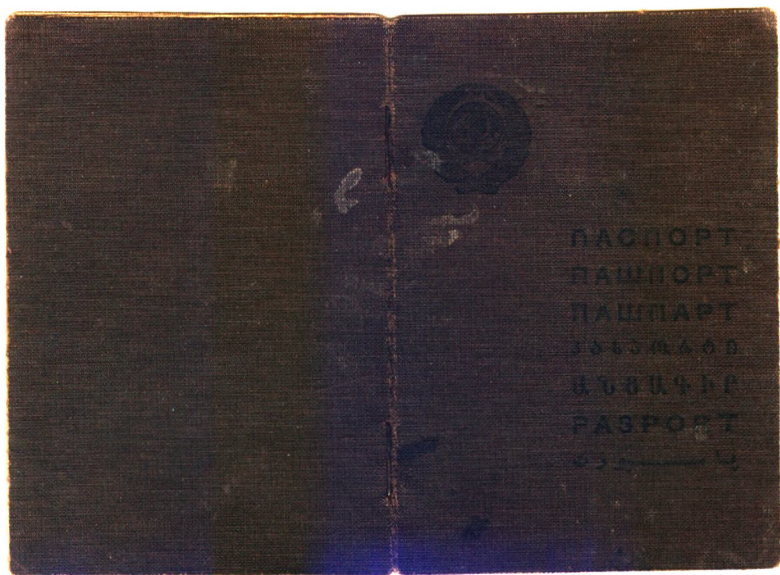
3.

О категории достоверности, приписываемой документу, стоит сказать немного подробнее, поскольку его основной смысл принято видеть в том, что он удостоверяет или подтверждает некие отношения, т. е. представляет их как «истинные». Обыденные представления о мире основываются на предпосылке (и логике) истинности, адекватности и идентичности, при том что сферы истинного и ложного находятся в постоянном взаимодействии. Естественное стремление установить более определенные границы между этими сферами и в конечном счете как-то упорядочить этот мир, однако подобные проекты под силу лишь институтам власти, которые с неиссякаемым увлечением занимаются таким упорядочением. Создание документа с точки зрения этих институтов является не сим-

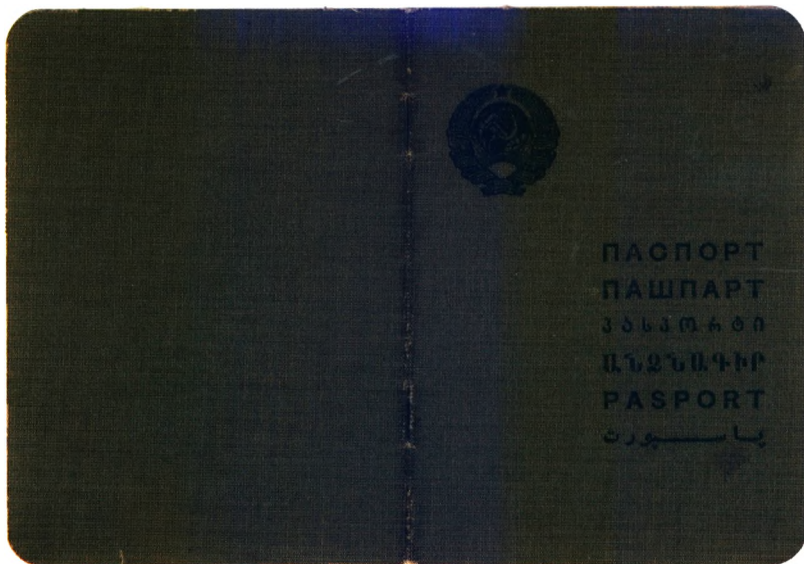
¹⁴ Орлова Г. Изобретая документ... С. 37.

¹⁵ Вместе с тем следует, вероятно, учитывать то обстоятельство, что тексты, обыгрывающие идею «самостоятельности» документа («Подпоручик Киж» как предельный случай), работают только на фоне массового тождества записанных в нем и «предшествующих» ему сведений. Благодарю Г. А. Левинтона за это замечание.

Паспорт образца 1933 г.
(Государственный музей политической истории)

Паспорт образца 1935 г.
(из частного архива)

Паспорт образца 1951 г.
(из семейного архив Крашенинниковых)

ПАСПОРТ
 Действителен до *1958 год*

1. Имя, отчество, фамилия: *Зеленова Александра Васильевна*

2. Дата и место рождения: *14/11 1908 г. с. Сарани*

3. Национальность: *русская*

4. Подпись владельца паспорта: *Зеленова*

5. Социальное положение: *индивидуальное*

6. Отношение к военной службе: *не воинское*

7. Как выдан паспорт: *Д. Крашенинников-наволенко Р. Влад. Заряковской, адвокат*

8. На основании каких документов выдан паспорт: *и по документам ТСУ № 5874644 от 21/11/46, сгоревшая*

Место выдан милиции: *В Краин*

Дата выдачи: *15/11 1953 г.*

ХПДЖ № 532409

Паспорт образца 1974 г.
(из семейного архива Левичкиных)

